

(Продолжение. Начало в предыдущем номере)

В 30-х годах 17 столетия к югу от Темниковско – Алатырской засечной черты земли время от времени опустошались набегами кочевников. И когда вышел указ Михаила Федоровича об укреплении южных рубежей, началось строительство Белгородско-Симбирской оборонительной линии, куда входила Атемарская крепость и Саранский острог. Впоследствии на месте острогов и крепостей возникли большие поселения и города. Заселялись эти места мещеряками, которые жили компактно в Темникове, Кадоме, Шацке. В 1640 году Темниковский воевода Сергей Левашев (после смутного времени последний князь Еникеев, сочувствовавший самозванцу, уже не имел былой власти) делает отдельную выпись, согласно которой отделяются и переходят в ведение Атемара земли и луговые угодья, что в 20-25 километрах северо-западнее Атемара, то есть в современном Лямбирском районе. На этих землях поселили 40 служилых татар с семьями, которые были зачислены в казачью службу.

Переселение из богатого природой лесного Темниковского уезда в оголенную степную местность, в непривычные условия жизни, было для служилых татар большим испытанием. Но будучи на государственной службе, мурзы безропотно подчинились указу и преданно несли свое нелегкое бремя.

В списке населенных мест Пензенской губернии (1869 г.) указано: «За темниковскими за служилыми мурзами и за татары за Утешем за Енгильдеевым сыном Абдулловым со товарищи за сорокою человеком усадище под Оксяринским лесом на Черемисеве Починке по обе стороны речки Талославской до речки Пемзы...»

В этом коротком документе прослеживается очень характерный для того времени факт: переселение в новые необжитые места стимулировалось выдачей во владение лучших плодородных земель, которые, как правило, располагались в поймах рек и поместий. По сути, служилые татарские мурзы становились землевладельцами – помещиками. Ради этого они исправно несли опасную службу и не щадили ради долга живота своего. Хозяйство у Утеша Енгильдеева крепкое. Владел он крепостными, лесом и обширной землей, хотя и мало пригодной для земледелия по причине бесплодности песчаной почвы, однако для выпаса и заготовки сена для скота подходящей. В рубленом из толстых сосновых бревен дворе с десятков коней, да кобылиц числом вдвое больше, мелкого скота и птицы знатно. И дом в Темникове был едва ли не самым основательным. Еще отец Абдулла начал ставить его у самого обрывистого берега Мокши. Реки

своенравной и изменчивой. В разлив подтачивает она противоположный берег и все дальше уходит от дома, торя новое русло в пойме. Отчего дом, еще недавно стоящий на высоком берегу, теперь сажень в пятидесяти от коварной реки, у старицы, поросшей сочной травой.

Вчера вызывал на разговор воевода Леваш. Собирай, говорил, своих татар, готовь их к переезду на новое место к Атемарской крепости. Башкан московский Михаил Федорович, мол, указом повелел новую засечную линию строить и дозор вести в Диком поле. Сулил во владение жирные черноземы. «Легко сказать – собирайтесь в дорогу», – размышлял Утеш, – «Как женам объяснить, да детям это переселение в неведомое? Особенно старшая Мяхубя роптать будет» (У татар-мишарей вплоть до 1917 года было распространено многоженство. «Бек мурза Сафаров сын князь Еникеев был шестым сыном Сафар мурзы князь Еникеева от его второй или третьей жены» «Очерк истории татарского дворянства»).

Ее Утеш «башкодалап» (сватовством) взял честь по чести за большой калым. Троих сыновей она родила. Старший, Ахбар, батыром уже стал. Да и остальные крепко в седле держатся, саблех владеют недурно. Скоро и им дело найдется. Ускачут дозором в степь, а там за каждым кустом опасность.

Въехал не спеша во двор. «Ильдус, – позвал он среднего сына, – отведи коня в стойло». Высокий черноглазый юноша стремительно сбежал с высокого крыльца к норовистому коню. Тот вскинул голову и замотал ею, не даваясь парню в руки. Но малай (парень) ловко подхватил уздечку, схватил скакуна под узцы и повел в прохладу конюшни, ласково похлопывая по крутой холке.

- Как время летит, – подумал Утеш, глядя на проворные движения сына, – вроде недавно набег ногайцев ходили отбивать, а уж более десятка лет минуло с той поры. Сыновья повыврастали, научились конем, луком и саблех да пищалью владеть. Хотел их жизнь обустроить здесь...

Нахмурился Абдуллов сын, черной тучей вошел в дом. Домочадцы попрятались в глубине комнат: суровый вид хозяина не сулил ничего хорошего. «Айша, – позвал он младшую жену. Из женской половины дома выпорхнула, как тень, гибкая фигурка и молча остановилась перед мужем. Тот взглядом показал на сафьяновые сапоги. Айша стремительно нагнулась и ловко стянула обувку. «Ладная она у меня, – не без удовольствия подумал мурза, – «ир артыннан чыкты» – сама пришла ко мне без согласия родителей. От бедности ушла. И вот ведь как обернулось – прикипел сердцем к этой гибкой лозе. Ах, Айша, Айша... Два года уж в моем доме, а ребенком еще не одарила. Может, это и лучше сейчас... Айша принесла чан с водой и поставила пред господином. Тот омыл лицо и руки. Жена немедля подала полотенце. Думы по-прежнему черной тучей гнездились в голове Утеша. Наконец он тряхнул головой, пытаюсь отогнать навязчивые помыслы:

- Накройте на стол, – приказал мурза, – Айша также бесшумно упорхнула, как и появилась. Утеш встал, одел чуни, тряхнул кряжистым станом. Был он высок, в плечах широк. Лицо еще хранило привлекательность молодости. Был он воином бывалым, закаленным в боях. Как только взглянул на список переселенцев на столе воеводы, сразу понял, почему он там оказался. В смутное время часть темниковцев поддержала самозванца. Отец Абдулла тоже попал в их число. По неведению. Кто ж их разберет этих царей московских, кто из них настоящий. Башкода Гирей голову сложил за ложного Димитрия, так вдове его и земли, и крепостных, и денег отмерили вволю. Многие тогда

не сомневались, что в Москве на престоле сидит настоящий царь. («В ноябре 1608 года в лагерь самозванца стали прибывать посольства алатырских, арзамасских, темниковских, шацких татар. Присягнули Лжедмитрию 11 касимовский хан Ураз-Мухаммед со своим войском и романовские татары во главе с Иль-мурзой Юсуповым. Брюшей Кобяк- мурзин сын князь Еникеев, собрав войско, выступил на стороне самозванца, но был разбит. Лжедмитрий дал 11 присягнувшим грамоты на их законное владение». В апреле 1612 года касимовцы активно поддержали ополчение князя Д.Пожарского (Об участии татарских отрядов в ополчении князя Пожарского, 1611-1612 годы, указывает историк С.М. Соловьев), а Темниковский князь Ишей Барашев первым подписал грамоту Земского собора об избрании М.Ф. Романова самодержцем Московским. От царя последовали жалованные грамоты татарским князьям и мурзам за поддержку. Но до сих пор звучит ставка на самозванца. «Темные мы люди, сидим в лесах и не ведаем, что там в Москве или Казани творится. Князь Брюшей Еникеев и тот ошибся. Да... Вот князь Булай Кудашев со своими ясашными смекнули что к чему. Хитер был старик. Не поддержал Лжедмитрия. Вот почему нет в списке его потомков и их подданных.

Николай Скобликов

(Продолжение в следующем номере)